

«Дневник Е.А. Перетца» и его современные публикаторы*

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«Dnevnik E.A. Perettsa» and its present-day publishers

DOI: 10.31857/S086956870005453-9

«Дневник» государственного секретаря Е.А. Перетца принадлежит к числу наиболее известных мемуарных памятников, созданных чиновниками пореформенного времени. После публикации его основной части в 1927 г. А.А. Сергеевым¹ к данному тексту обращались буквально все историки, писавшие о политической борьбе в правящих кругах Российской империи на рубеже 1870—1880-х гг., начиная с Ю.В. Готье². Более того, с 1940 г. «дневник» Перетца непременно упоминался даже в учебных пособиях по источниковедению истории России XIX в.³

Можно только удивляться тому, что столь хрестоматийное (и сравнительно небольшое) произведение ни разу не перепечатывалось на рубеже XX—XXI вв. в условиях повышенного интереса к мемуаристике. Между тем его переиздание было вполне оправдано: книга 1927 г. за 90 лет, конечно же, не могла не устареть и давно уже стала библиографической редкостью (её электронный вариант, размещённый на сайте РГБ, почему-то открыт для читателей только в библиотечных залах). При этом в целом добротный переданный текст сопровождался в ней довольно скухими комментариями, отражавшими степень изученности политической истории пореформенного времени в середине 1920-х гг., а также неполным, неровным и местами неточным указателем имён. Кроме того, ещё в 1964 г. П.А. Зайончковский

выявил, подробно изложил и проанализировал машинописные «Извлечения из воспоминаний статс-секретаря Перетца, относящихся к 1880—1881 годам», которые включали несколько записей из первой части «дневника» (в рукописи, опубликованной Сергеевым, она отсутствовала)⁴.

Таким образом, от второго издания можно было ожидать некоторого расширения и сверки текста, составления комментариев, учитывающих наработки современной историографии, исправления указателя с помощью имеющихся в настоящее время справочников. К сожалению, взявшийся за это дело А.А. Белых фактически ограничился тем, что присоединил «Извлечения» к «дневнику», воспроизведённому не без огрехов по книге 1927 г.

Но так ли уж необходимо было сверять с рукописью никогда не вызывавшую нареканий публикацию такого профессионального археографа, как Сергеев? Ответ на этот вопрос отнюдь не являлся очевидным, но обилие отточий в тексте, наличие в нём явных опечаток и «тёмных» по смыслу фраз заставляли прибегнуть к вполне доступному оригиналу⁵. Внимательный его просмотр убеждает в том, что умышленные пропуски в издании 1927 г. действительно отсутствуют, а ошибок при его подготовке допущено сравнительно немного. Тем не менее счёт их идёт на десятки, а если учесть пропущенные восклицательные

* *Перетц Е.А. Дневник (1880—1883) / Сост. и науч. ред. А.А. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 512 с.*

и вопросительные знаки, инициалы, вводные слова, наречия, союзы, предлоги и произвольно изменённые окончания, то можно обнаружить более сотни погрешностей (на 157 страниц книжного текста).

Полностью выпущенным оказалось лишь одно предложение (выделенное далее курсивом) из записи, датированной 4 марта 1881 г.: «От великого князя я поехал прямо к Сольскому. *Он совершенно согласился со мною.* По его мнению, Лорис будет советовать государю оставить великого князя Константина Николаевича на должности председателя Государственного совета»⁶. Не вошло в публикацию и примечание, сделанное Перетцем ко второй записи за 13 января 1882 г.: «По ходатайству Сольского, Старицкий был назначен председателем комиссии, проверявшей эти расчёты» (между казной и подрядчиками после войны 1877—1878 гг.)⁷.

Остальные искажения текста не столь велики, но нередко меняют смысл написанного. К примеру, в записи 30 марта 1881 г. говорится: «Абаза рассказал мне про Лориса [sic! Ред.] замечательное обстоятельство, доказывающее всю его подлость»⁸. Но несмотря на поставленное Сергеевым решительное «sic», в рукописи, с которой он работал, чётко читается: «Абаза рассказал мне *при Лорисе...*» и т.д. (здесь и далее курсивом выделяются разночтения. — А.М.). И это вполне соответствует тому, что речь идёт затем не о гр. М.Т. Лорис-Меликове, а о кн. А.А. Ливене⁹. Не менее странно звучит и отзыв гр. Н.П. Игнатьева о М.Н. Каткове: «Ну, какой он член Государственного совета? Он — мальчик и больше ничего»¹⁰. Всё же граф Николай Павлович был младше Михаила Никифоровича более чем на 13 лет... Но в оригинале второе предложение выглядит иначе: «Он *маньяк* и больше ничего!»¹¹.

В декабре 1880 г. Александр II не мог одобрить предложения министра

юстиции Д.Н. Набокова «об очищении состава 2-го департамента Сената и о назначении в этот департамент людей умных и свежих»¹², хотя бы потому, что такого учреждения в то время не существовало (ещё весной 1877 г. его дела были переданы в Межевой департамент¹³). И Перетц, конечно же, писал «об очищении состава 1-го департамента»¹⁴. Сергеев допустил опisku, но как её мог повторить (с. 119), не комментируя, «научный редактор» в 2018 г.?!

По словам Перетца, кн. А.Ф. Орлов в конце 1850-х гг. «отстаивал исторические заслуги дворянства»¹⁵, но у публикаторов князь их «отстаивал *категорически*» (с. 137)¹⁶. «Общую цифру ежегодного понижения выкупных платежей»¹⁷ публикаторы превращают в «общую цифру *среднего* понижения выкупных платежей» (с. 217)¹⁸, «ход выкупной операции»¹⁹ — в «ход выкупных операций» (с. 189)²⁰, «следующие с них платежи»²¹ — в «*следующие* с них платежи» (с. 201)²², «побуждение нашего духовенства»²³ — в «*пробуждение* нашего духовенства» (с. 197)²⁴, «свои отзывы»²⁵ — в «свои *выводы*» (с. 332)²⁶, «неожиданности»²⁷ — в «надобности» (с. 232)²⁸, «взятые иногда»²⁹ — во «взятые тогда» (с. 170)³⁰, «непременно»³¹ — в «немедленно» (с. 210)³² и даже «тем не менее»³³ — «в то же время» (с. 188)³⁴. Получение крестьянами «паспортов для отлучки» после отмены подушной подати и круговой поруки, по мнению Перетца, могло быть всё же только «облегчено»³⁵, а не вовсе «отменено» (с. 311)³⁶. П.С. Ванновского в начале 1882 г. беспокоила возможность столкновений не «с Германией и Австрией» (с. 300)³⁷, а «с Германией *или* Австрией»³⁸.

В ряде случаев фразы из-за неточного прочтения приобретают нелепый или комический вид. Так, в марте 1881 г. в Петербурге «к погребению было много иностранных принцев» (с. 174)³⁹ вместо «к погребению *прибыло* много иностранных принцев»⁴⁰; 20 мая 1881 г. Перетц и гр. Игнатьев входят в импера-

торский кабинет не «одновременно»⁴¹, как в рукописи, а «единовременно» (с. 216)⁴²; вел. кн. Ольга Фёдоровна не «называет Дондукова Игнатьевым II»⁴³, а «считает Дондукова Игнатьевым вторым» (с. 321)⁴⁴; гр. Д.А. Толстого «обвиняют прежде всего в страстности и в упрямстве, высказанным им (в оригинале — «выказанным им»⁴⁵. — А.М.) при введении у нас системы классического образования» (с. 318)⁴⁶; гр. Лорис-Меликова после 8 марта 1881 г. «многие винят в том, что он побудил государя в назначении заседания до погребения тела покойного императора» (с. 169)⁴⁷, а не «к назначению заседания», как сказано в публикуемом тексте⁴⁸.

Некоторые из подобных оборотов, возникших из-за неверного понимания рукописи, по-видимому, ещё в 1927 г. смущали редактора. Об этом, в частности, свидетельствуют сделанные им пометки (выброшенные в издании Белых): «Едва ли следует уступать Игнатьеву, потому собственно, что выражения [sic. Ред.] его — чистая придирика, не имеющая смысла»⁴⁹. И это тем более странно, поскольку в архивной тетради всё согласовано верно: «выражения его — чистые придирики, не имеющие смысла»⁵⁰. Причём тут же Перетц отмечает, что «сам же Игнатьев будет обвинять нас в *своеволии*»⁵¹, а в книге напечатано: «обвинять нас в *своё время*» (с. 289)⁵². В предложении «Рембелинский, действительно, прекрасный человек, отличный работник и формы у него очень приятные» слово «формы» почему-то заменено отточием (с. 341)⁵³. Встречаются ошибки и в датировке записей: вместо 8 декабря в изданиях 1927 и 2018 гг. указано 3 декабря (1881 г.), вместо 14 января — 15 января (1882 г.) (с. 274, 284)⁵⁴.

Но, разумеется, чаще всего из-за искажений теряется (или, наоборот, возникает) тот или иной оттенок, который может оказаться существенным для интерпретации мысли автора дневника.

К примеру, у Перетца — «окрестили в журналистике»⁵⁵, у Сергеева и Белых — «окрестила *вся журналистика*» (с. 117)⁵⁶, «займёмся докладами»⁵⁷ — «займитесь докладами» (с. 140)⁵⁸, «различных проектов»⁵⁹ — «отдельных проектов» (с. 146)⁶⁰, «министерств финансов и внутренних дел»⁶¹ — «министра финансов и внутренних дел» (с. 158)⁶², «нужно рассматривать»⁶³ — «нужно рассмотреть» (с. 162)⁶⁴, «находящийся с Тимашевым в очень хороших, даже почти дружеских отношениях»⁶⁵ — «находившийся с Тимашевым...» и т.д. (с. 170)⁶⁶, «он почти неизвестен»⁶⁷ — «он *тоже* неизвестен» (с. 340)⁶⁸. Пропуски не менее выразительны (отсутствующие в публикациях слова выделены курсивом): «беда *его* только в том»; «не могу *ещё* сообразить»; «в том числе *прежде всего* на Тимашеве»; «великий князь сказал, что *охотно бы принял подобное положение, так как думает, что мог бы быть полезен учёному миру*»; «императрица же за столом улыбалась *многозначительно*»; «дать *штатное место*»⁶⁹.

Белых почему-то сохраняет даже те оплошности издания 1927 г., которые можно было устранить и не заглядывая в архивное дело. Едва ли не единственное исключение — правильное написание фамилии генерал-лейтенанта Н.Д. Селиверстова, при первой публикации превратившегося в «Селивестрова» (с. 96)⁷⁰. Но, к примеру, генерал-лейтенант О.Б. Рихтер оставлен с инициалами «О.Г.» (с. 303)⁷¹, хотя в именном указателе — и у Белых, и у Сергеева, — его имя и отчество приведены верно (с. 502)⁷².

Ещё хуже то, что, повторяя все перечисленные (и многие другие) опечатки и искажения текста, допущенные его предшественником, Белых добавляет к ним новые. В подготовленной им книге из-за какого-то технического сбоя слились под одной датой записи за 18 и 20 декабря 1880 г. (с. 118—119), 27—28 апреля 1881 г. (с. 200—202) и 19—20 марта 1882 г. (с. 301—303). Тем самым

второе издание передаёт текст Перетца в чём-то даже хуже, чем первое.

Кстати, Сергей в ряде случаев вполне оправданно (но, к сожалению, без оговорок) исправлял «немногочисленные орфографические ошибки и описки» (с. 479)⁷³. Так, в рукописи встречается фраза «не было *не* сказано ни слова»⁷⁴. Кроме того, в ней говорится о «деловых обвинениях»⁷⁵, заменённых публикатором по смыслу на «деловые объяснения»⁷⁶. Кн. А.А. Суворов, «будучи генерал-губернатором Прибалтийского края», являлся якобы «слепым орудием *баранов*»⁷⁷. Сергеев, конечно же, восстановил подразумевавшихся тут «баранов»⁷⁸. В конце 1882 г. Э.В. Фриш отвечал вел. кн. Михаилу Николаевичу: «Если государю императору и Вашему величеству угодно моё назначение...»⁷⁹. В книге, разумеется, вместо «величеству» напечатано подобающее — «высочеству»⁸⁰. Впрочем, в другой раз, меняя, уже без всяких оснований, «высочество» (в рукописи) на «величество», публикатор, по сути, путает великого князя с императором⁸¹.

Невольно возникает вопрос: как мог Перетц допустить подобные оговорки в титуловании? Гипотетически, естественно, представить можно всякое. Но ведь сверка с оригиналом важна не только для выявления и устранения различий. Сопоставление же рукописи «дневника» 1880—1883 гг. с письмами Перетца за те же годы⁸² без всякой графологической экспертизы не оставляет ни малейшего сомнения в том, что опубликованная (и детально описанная) Сергеевым «тетрадь в четвёртку, в переплёте из красного сафьяна, с золотым тиснением и обрезом» (с. 479)⁸³, хранящаяся в ГА РФ, представляет собой не автограф Егора Абрамовича, как по умолчанию считалось, а список, сделанный другим человеком, не всегда хорошо разбиравшим мелкий и убогий почерк государственного секретаря. Этим, вероятно, объясняется и путаница в написании инициалов и

фамилий в рукописи. Более того, судя по изменению графики на 286 листах текста и нередко встречающемуся дублированию слов, скорее всего, над списком работал не профессиональный переписчик. А отсутствие в тетради каких-либо исправлений и пометок, сделанных рукой Перетца, наводит на мысль о том, что он мог и не догадываться о существовании данной копии своего «дневника». Кем и когда она была подготовлена — неизвестно.

Сравнивая записи в данной тетради с машинописными (и так же неавторизованными) «Извлечениями»⁸⁴, можно констатировать, что они восходят к общему протографу. Во всяком случае, «Извлечения» делались не из того списка, который был опубликован Сергеевым (на это указывают расхождения в датировке двух совпадающих фрагментов текста и различия в передаче отдельных фраз). Сохранился ли и где находится этот протограф, являлся ли он автографом или ещё одним списком — загадка.

Поэтому вызывает недоумение то, что в издании 2018 г. «Извлечения из воспоминаний» механически скрещиваются с публикацией Сергеева. В результате, дважды один и тот же текст без каких-либо пояснений воспроизводится повторно под разными датами — 17 и 21 октября 1880 г., а также 31 декабря 1880 г. и 5 января 1881 г. (с. 104—107, 121, 125). Подобный «археологический приём» научного редактора книги способен только запутать читателей и осложнить работу будущих исследователей.

В предисловии, написанном совместно А.А. Белых и В.А. Мау, утверждается, что текст, вошедший в «Извлечения», «и по содержанию, и по стилю... ничем не отличается от ранее опубликованного дневника». Соавторам «очевидно, что это — часть дневника, а не воспоминания» (с. 52). Между тем характер записей, оставленных Перетцем (и дошедших до нас только

в копиях), гораздо сложнее, чем может показаться при поверхностном чтении. Сам Егор Абрамович подробно рассказал о том, как работал над описанием заседания Совета министров 8 марта 1881 г. (безусловно, самого известного фрагмента его «дневника»): «Возвратясь домой, я немедленно начертил себе план стола, означив имена сидевших и порядок, в котором говорились речи. Затем против каждого имени я тут же набросал сущность сказанного и отметил даже наиболее рельефные выражения. После обеда, несмотря на усталость, я тотчас же принялся за подробное изложение (на особых листах) всего бывшего в заседании и не отрывался от этого дела до поздней ночи. Однако мне не удалось окончить всё за один раз. Я употребил на это дело ещё целых два вечера. В эту книжку я внёс составленное таким образом изложение, по обычаю своему, летом. В заседании я следил за всем с таким напряжённым вниманием, что у меня осталось в памяти едва ли не каждое слово. Лышу себя надеждою, что изображение моё почти фотографически верно» (с. 168).

Таким образом, свой окончательный вид записи приобретали летом, когда не было заседаний Государственного совета, и государственный секретарь проживал в имении или в Гапсале, пользуясь досугом «для отдыха и для чтения, на которое зимою почти нет времени», и возвращаясь в Петербург в конце сентября (с. 77, 226, 232, 319). Возможно, не случайно список «дневника» открывает запись за 28 сентября 1880 г.⁸⁵ По этому поводу ещё С.С. Дмитриев отмечал (в учебнике!): «Понятно, что его дневник за 1880—1883 гг. является итогом значительной редакционно-стилистической обработки первоначальных записей»⁸⁶. Иными словами, это именно воспоминания в форме дневника, и составители «Извлечений» хорошо представляли, с чем имели дело.

Другой особенностью мемуарного творчества Перетца являлось активное

использование составленных им ранее документов Государственной канцелярии и включение их в текст «дневника» целиком (с. 331—333) или в слегка обработанном виде. Достаточно сравнить его рассказ о посещении больного кн. С.Н. Урусова 24 ноября 1881 г. (с. 271—274) с докладной запиской об этом визите, направленной Перетцем председателю Государственного совета вел. кн. Михаилу Николаевичу⁸⁷. Другой пример — подготовленное Перетцем по распоряжению вел. кн. Константина Николаевича описание присяги членов Государственного совета 2 марта 1881 г. и схожее освещение этого события в «дневнике» (с. 133—135, 377—379). Помещались в «книжку» и тексты других лиц — Александра III, вел. кн. Константина Николаевича, А.В. Головнина (с. 59—63, 235—240, 244—246, 333—334, 347—348).

Тем самым рукопись приобретала достаточно эклектичный характер. По-видимому, сознавая это, сам Перетц называл её не дневником, а «Заметками». Некоторое представление о них даёт юбилейное издание, выпущенное к столетию Государственной канцелярии. У его составителей, судя по цитатам и беглому пересказу различных фрагментов, имелся полный текст «Заметок» Перетца. В них содержались пространные воспоминания Егора Абрамовича о его переходе на службу в Государственную канцелярию, о назначении статс-секретарём Александра II, о Д.М. Сольском, а также — об известном по «Извлечениям» обсуждении проектов привлечения выборных от земства к деятельности Государственного совета в январе 1880 г. Поскольку протокол на этих совещаниях не вели, получить о них сравнительно точное представление можно было лишь из «Заметок»⁸⁸.

Если учесть, что список «дневника», опубликованный Сергеевым, завершается записями января 1883 г. об увольнении Перетца с поста государственного секретаря и назначении его

членом Государственного совета (тогда как в тетради оставалось ещё более полусотни чистых листов, впоследствии в основном вырванных⁸⁹), то вполне логичным кажется предположение, согласно которому «Заметки» начинались именно с того момента, когда Перетц сменил Сольского во главе Государственной канцелярии летом 1878 г. Впрочем, проверить эту гипотезу в настоящее время не представляется возможным.

Вероятно, именно из Государственной канцелярии, где в начале XX в. оказались «Заметки» Перетца (скончавшегося 19 февраля 1899 г.), стали распространяться их списки и машинописные копии. Это объясняет и отсутствие авторизованных экземпляров. А поскольку нет и автографа (не говоря уже о черновых «отдельных листах»), вопрос об аутентичности и достоверности дошедших до нас записей представляется отнюдь не праздным. Существование «Заметок» Перетца бесспорно (в 1900-е гг. в Государственной канцелярии его ещё хорошо помнили, и появление там фальсификата исключено). Но в какой мере переписчики и публикаторы верно передавали их текст?

Характерно, что опубликованный в 1906 г. без имени автора сокращённый и переработанный (но всё же узнаваемый!) рассказ Перетца о «заседании Государственного совета (sic. — А.М.) 8 марта 1881 года»⁹⁰ производил впечатление неправдоподобного. «Прилагаемая при сём записка, — писал о машинописной копии данной публикации Д.А. Милютин 1 февраля 1908 г., — присланная мне по почте, неизвестно кем, заключает в себе подробный рассказ о замечательном заседании Совета министров, происходившем в Зимнем дворце, под председательством самого государя, 8 марта 1881 года, ровно неделю спустя после трагической кончины царя-освободителя. На первый взгляд рассказ этот может показаться весьма обстоятельным; в нём приводятся даже

дословно самые речи присутствовавших лиц — сторонников и противников поставленного будто бы вопроса о переходе государственного строя России к представительному образу правления. Такое обстоятельное изложение верного исторического факта может соблазнить будущих историков; а потому ставлю себе в обязанность предостеречь их от излишнего доверия к свидетельству, несогласному с действительностью. Автор рассказа, очевидно, не принадлежит к числу участников в совещании, а пишет понаслышке, на основании догадок и предположений публики. К нему можно вполне приложить поговорку: слышал звон, не ведая, откуда он. В рассказе верно лишь распределение участвовавших в совещании лиц на две противоположенные стороны: на сторонников и противников комиссии Лорис-Меликова. Одни высказывались за пользу и даже необходимость предложенных законодательных работ, как продолжения и завершения предпринятых усопшим государем реформ; другие — пугали воображаемыми от тех же предположений опасностями для основ русского государственного строя; но прямо о представительном правлении, о конституции не было произнесено ни слова. Для желающих найти более достоверную справку о совещании 8 марта 1881 года могу сослаться на мой краткий, но достоверный «Дневник»⁹¹.

Мнение Милютина, конечно, не стоит абсолютизировать: ему шёл уже 92-й год, а от знаменитого заседания его отделяло почти 27 лет. Однако полностью игнорировать этот отзыв нельзя. Во всяком случае, такой непростой по своему характеру источник, как «Заметки» Перетца, нуждается в тщательном изучении и подробном комментировании. Можно лишь сожалеть о том, что в издании 2018 г. научный комментарий к «дневнику» практически отсутствует: к 23 комментариям Сергеева (частично устаревшим) добавлено всего 12 (!), причём

в основном они носят пояснительный характер (штунда, французские Генеральные штаты, «процесс 193-х» и т.п.) и не содержат ссылок на современные исследования. Как ни странно, Белых написал больше примечаний к разнообразным приложениям (с. 485—487), чем собственно к «дневнику». В качестве приложений помещены документы, имеющие непосредственное отношение к сюжетам, описанным Перетцем, но в основном хорошо известные (записки П.А. Валуева 1863 г., выдержки из его дневника и дневников Милютина, всеподданнейший доклад гр. Лорис-Меликова 6 марта 1881 г., фрагмент воспоминаний А.Ф. Кони и т.п.). Наиболее любопытно из них описание Перетцем присяги 2 марта 1881 г. (с. 377—379). При этом приложения занимают почти четверть книги (с. 350—478). Именной указатель практически заимствован из издания 1927 г., включая опечатки (так, смерть гр. М.А. Корфа отнесена в нём не к 1876, а к 1872 г.). Даже годы жизни многих упоминаемых в нём деятелей не указаны. Но то, что выглядело вполне извинительным в 1927 г., в 2018 г. смотрится совсем иначе.

В предисловии Белых и Мау, названном «Что произошло в России 8 марта 1881 года», утверждается, будто о состоявшемся тогда совещании «известно только узкому кругу специалистов». А Перетц, по словам соавторов, — «непосредственный участник как самого заседания, так и всех предшествовавших и последовавших за ним событий» (с. 7). Подобные формулировки не могут не вызвать недоумения, как и беглый рассказ о цареубийстве 1 марта 1881 г. и судьбе предложений гр. Лорис-Меликова «по реформированию законодательных органов» (биографические справки о Перетце, Сергееве и А.Е. Преснякове, написавшем предисловие к изданию «дневника» в 1927 г., удались несколько лучше). Соавторы убеждены, что во внутренней

политике самодержавия после гибели Александра II «поворот состоялся достаточно быстро — всё было решено уже 8 марта» (с. 39). Правда, «не все участники этого расширенного заседания Совета министров поняли, что произошло» (с. 36). Среди них — и Перетц, и вел. кн. Константин Николаевич. Не совсем ясно только: кто же всё «понял»? Ведь сами соавторы пишут, что лишь 29 апреля 1881 г. «позиция нового императора полностью разъяснилась» и «начался период новой политики» (с. 37). Они признают, что в марте Александр III ещё поддерживал гр. Лорис-Меликова и одобрял его доклады, но, по их мнению, «безусловно, это была сознательная хитрость с его стороны — он просто хотел успокоить министра» (с. 32). Решительность суждений в данном случае явно облегчается слабым знакомством с историографией вопроса. К примеру, вышедшие недавно исследования В.Е. Воронина и А.Ю. Полунова в предисловии даже не упоминаются⁹².

Но при всём несовершенстве подготовленного А.А. Белых издания оно, благодаря яркости и насыщенности «дневника», несомненно, найдёт читателей, которым, возможно, ещё 100 лет придётся пользоваться невыверенным текстом с хилым научно-справочным аппаратом. И это при том, что в настоящее время выходят издания, которые могут служить образцом публикации мемуарных памятников⁹³.

Примечания

¹ Дневник Е.А. Перетца (1880—1883). М.; Л., 1927.

² Готье Ю.В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. Т. 2. М., 1938.

³ Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. XIX в. (до начала 90-х годов). Курс источниковедения истории СССР. Т. 2. М., 1940. С. 123—124; Захарова Л.Г. Мемуары, дневники, частная переписка второй половины XIX в. // Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. / Под ред. И.А. Федосова, И.И. Аста-

- фьева, И.Д. Ковальченко. М., 1970. С. 373; *Дмитриев С.С.* Воспоминания, дневники, частная переписка // *Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981. С. 352.*
- ⁴ *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия в России на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964. С. 33—34, 137—145.
- ⁵ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118.
- ⁶ Там же, л. 50; Дневник Е.А. Перетца. С. 29.
- ⁷ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 213; Дневник Е.А. Перетца. С. 116—117.
- ⁸ Дневник Е.А. Перетца. С. 57.
- ⁹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 106—107.
- ¹⁰ Дневник Е.А. Перетца. С. 122.
- ¹¹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 224.
- ¹² Дневник Е.А. Перетца. С. 16.
- ¹³ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 гг. / Отв. сост. Д.И. Раскин. Т. 1. СПб., 1998. С. 95—96. Второй (крестьянский) департамент Сената создан только в 1884 г. (Там же. С. 111).
- ¹⁴ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 26.
- ¹⁵ Там же, л. 47.
- ¹⁶ Дневник Е.А. Перетца. С. 27.
- ¹⁷ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 142.
- ¹⁸ Дневник Е.А. Перетца. С. 77.
- ¹⁹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 110.
- ²⁰ Дневник Е.А. Перетца. С. 59.
- ²¹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 123.
- ²² Дневник Е.А. Перетца. С. 66.
- ²³ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 119.
- ²⁴ Дневник Е.А. Перетца. С. 64.
- ²⁵ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 269.
- ²⁶ Дневник Е.А. Перетца. С. 147.
- ²⁷ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 158.
- ²⁸ Дневник Е.А. Перетца. С. 85.
- ²⁹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 88.
- ³⁰ Дневник Е.А. Перетца. С. 48.
- ³¹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 133.
- ³² Дневник Е.А. Перетца. С. 72.
- ³³ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 108.
- ³⁴ Дневник Е.А. Перетца. С. 58.
- ³⁵ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 246.
- ³⁶ Дневник Е.А. Перетца. С. 134.
- ³⁷ Там же. С. 127.
- ³⁸ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 233.
- ³⁹ Дневник Е.А. Перетца. С. 50.
- ⁴⁰ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 92.
- ⁴¹ Там же, л. 139.
- ⁴² Дневник Е.А. Перетца. С. 75.
- ⁴³ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 256—257.
- ⁴⁴ Дневник Е.А. Перетца. С. 140.
- ⁴⁵ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 253.
- ⁴⁶ Дневник Е.А. Перетца. С. 138.
- ⁴⁷ Там же. С. 47.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 86.
- ⁴⁹ Дневник Е.А. Перетца. С. 120.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 219.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Дневник Е.А. Перетца. С. 120.
- ⁵³ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 278; Дневник Е.А. Перетца. С. 152.
- ⁵⁴ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 204, 214; Дневник Е.А. Перетца. С. 111, 117.
- ⁵⁵ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 23—24.
- ⁵⁶ Дневник Е.А. Перетца. С. 14.
- ⁵⁷ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 51.
- ⁵⁸ Дневник Е.А. Перетца. С. 29.
- ⁵⁹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 57.
- ⁶⁰ Дневник Е.А. Перетца. С. 33.
- ⁶¹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 74.
- ⁶² Дневник Е.А. Перетца. С. 40.
- ⁶³ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 78.
- ⁶⁴ Дневник Е.А. Перетца. С. 43.
- ⁶⁵ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 87.
- ⁶⁶ Дневник Е.А. Перетца. С. 47.
- ⁶⁷ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 277.
- ⁶⁸ Дневник Е.А. Перетца. С. 152.
- ⁶⁹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 27, 64, 88, 172, 253, 256; Дневник Е.А. Перетца. С. 16, 36, 48, 92, 138—139.
- ⁷⁰ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 2; Дневник Е.А. Перетца. С. 2.
- ⁷¹ Дневник Е.А. Перетца. С. 129.
- ⁷² Там же. С. 169.
- ⁷³ Там же. С. 158.
- ⁷⁴ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 251.
- ⁷⁵ Там же, л. 217.
- ⁷⁶ Дневник Е.А. Перетца. С. 119.
- ⁷⁷ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 229.
- ⁷⁸ Дневник Е.А. Перетца. С. 125.
- ⁷⁹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 275.
- ⁸⁰ Дневник Е.А. Перетца. С. 151.
- ⁸¹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 261; Дневник Е.А. Перетца. С. 139.
- ⁸² См., в частности: ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 529, л. 1—3; д. 820, л. 1—28.
- ⁸³ Дневник Е.А. Перетца. С. 158.
- ⁸⁴ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 134.
- ⁸⁵ Дневник Е.А. Перетца. С. 1.
- ⁸⁶ *Дмитриев С.С.* Воспоминания, дневники, частная переписка. С. 352.
- ⁸⁷ Государственная канцелярия. 1810—1910. СПб., 1910. С. 329—332.
- ⁸⁸ Там же. С. 267—268, 271—273, 302—305, 312—314.
- ⁸⁹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118.
- ⁹⁰ *Былое.* 1906. № 1. С. 189—194.
- ⁹¹ ОР РГБ, ф. 169, к. 82, д. 19, л. 1—2. Копию публикации «Былое» см.: там же, л. 4—6.
- ⁹² *Воронин В.Е.* Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х — середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010; *Полунов А.Ю.* Победоносцев: русский Торквемада. М., 2017.
- ⁹³ См., например: *Никольский Б.В.* Дневник. 1896—1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. Т. 1—2. СПб., 2015.